

Современный банковский кризис в России: мифы и реальность в сфере кредитования

Ю.С. ЭЗРОХ, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления.
E-mail: ezroh@rambler.ru

Статья открывает цикл научных публикаций, посвященных анализу и развенчанию распространенных и внешне убедительных утверждений о текущем кризисе отечественной банковской системы. В настоящей работе исследованы мифы в области кредитования – устойчивые заблуждения относительно розничного и корпоративного банковского финансирования, в том числе при предоставлении ссуд для импортозамещения. Особенно вредно для теории и практики то, что такие мифы нередко преподносятся как общеизвестные, т. е. не требующие доказательств факты.

Ключевые слова: банковский кризис, потребительские кредиты, корпоративные кредиты, проблемы импортозамещения

Банки любой страны (за исключением Кипра, Швейцарии и др.) не являются «экономикообразующими», и Россия – не исключение. При этом все сферы национального производства практически полностью зависят от состояния банков, которые распоряжаются почти всем имеющимся денежным капиталом предприятий и граждан. Так, на 1 декабря 2016 г. доля наличных денег в обращении вне банковской системы в России составляла лишь 20,1%, а оставшиеся 29,1 трлн руб. являлись банковскими депозитами различной срочности¹. К тому же на макроуровне теория монетаризма отводит денежному предложению основную роль в развитии экономики.

Все это определяет важность изучения текущего кризиса отечественной банковской системы и развенчания многочисленных мифов в этой сфере. Заметим, что в экономике их чрезвычайно

¹ URL: <http://cbr.ru/statistics/?PrtlId=ms&pid=dkfs&sid=dm>

много², а ложное ощущение понимания приводит к неверным решениям!

В статье пойдёт речь о мифах в ключевой сфере деятельности банков – кредитовании (на ссуды приходится свыше 50% их активов, которые генерируют не менее 70% доходов).

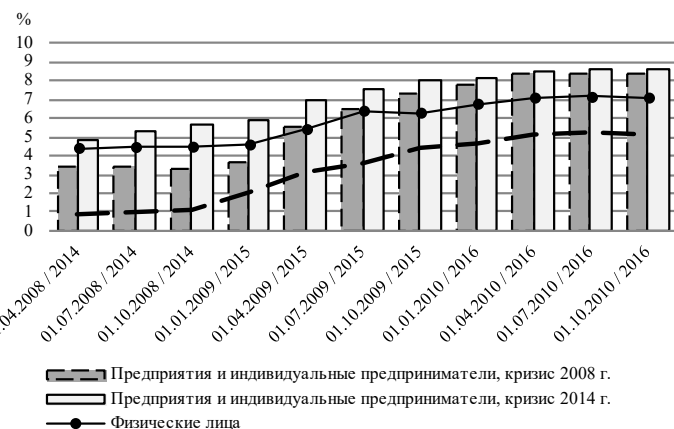
Макроэкономическому анализу текущего банковского кризиса в России посвящено немало научных трудов [1–3 и др.], однако сопоставление параметров нескольких кризисов проводится в немногих работах [4–5], в которых не рассмотрен ряд важных аспектов (риски, участие в политике импортозамещения и др.), а некоторые положения, например, о «позитивном снижении доли проблемных ссуд» [4], являются дискуссионными.

Миф 1: банковское потребительское кредитование с наступлением текущего кризиса стало очень рискованным.

Реальность: риски кредитования физических лиц в период текущего кризиса, начавшегося в 2014 г. и имеющего признаки системного, увеличились незначительно, практически оставшись на уровне менее жесткого «несистемного» кризиса 2008 г.

Проблемность кредитного портфеля в предкризисные периоды (первые три квартала 2008 и 2014 гг.) существенно различалась (рис. 1). Так, на 1 октября 2008 г. доля просроченной задолженности физических лиц составляла 3,25%, на 1 октября 2014 г. – 5,69%. Однако по мере развития кризиса 2014–2016 гг. доля непогашенных вовремя долгов граждан практически сравнялась с периодом 2008–2010 гг. – около 8%. Кроме того, если во время предыдущего банковского кризиса доля просроченных ссуд увеличилась на 140% (в 2,4 раза), то в настоящее время – лишь на 75%. Да, банки ужесточили условия финансирования, многие перестали кредитовать новых клиентов, ограничившись теми, кто уже обслуживается у них по «зарплатным» проектам. Однако в целом банкам удалось ограничить риски потребительского кредитования на приемлемом уровне.

² Например, распространённое мнение, что россияне работают мало, а отдыхают много, не соответствует реальности. Так, в 2015 г. «среднестатистический россиянин» отработал 1 978 часов, а житель Германии – 1 371 час. Во Франции давно действует 35-часовая рабочая неделя, в Швеции правительство обсуждает законодательное закрепление 30-часовой, но по факту на 6-часовой рабочий день уже перешло большинство предприятий. URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9468860>

Примечания. Уровень проблемных долгов = (соотношение объемов просроченных ссуд к совокупному их объему) · 100%. Пунктирными линиями здесь и далее отмечены соответствующие значения в период кризиса 2008 г. Сопоставимые сведения за период до 01.04.2008 г. отсутствуют.

Источники (здесь и далее в статье): Статистика Банка России (URL: <http://cbr.ru/statistics/?PrId=sors>), статистика портала Banki.ru (URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings/>), расчёты автора.

Рис. 1. Уровень просроченной задолженности по кредитам физических лиц, предприятий и индивидуальных предпринимателей в период кризисов 2008 и 2014 гг., %

Миф 2: корпоративное кредитование несёт меньшие риски, чем потребительское.

Реальность: абсолютный риск корпоративного финансирования значительно выше, чем граждан; относительный риск – как минимум не ниже (его точная оценка скрыта в «болоте» реструктурированных ссуд).

Действительно, доля просроченной задолженности по кредитам, предоставленным предприятиям и индивидуальным предпринимателям, всегда была ниже, чем по ссудам, выданным гражданам (см. рис. 1). До кризиса 2008 г. она была невелика (0,9%), что намного ниже аналогичного показателя по потребительским кредитам (4,4%). Однако между кризисами ситуация коренным образом изменилась, и справедливое в прошлом утверждение превратилось в устойчивый миф.

Доля просроченной задолженности в корпоративном портфеле в текущий кризис выросла не столь значительно, как в 2008–

2010 гг.: лишь на 60% (с 4,4% до 7,1%), в то время как шесть лет назад – на 450% (с 0,9% до 5,2%). Кроме того, в реальности корпоративные кредитные портфели могут быть значительно более проблемными. Банки нередко реструктурируют ссуды крупных клиентов (вынужденно пролонгируют общий срок погашения, дают «кредитные каникулы» и т. д.). Так, некоторые кредиты являются, по сути, «отсроченной просрочкой» (по крупным ссудам «латентный» период может превышать пять лет). Объем реструктурированных ссуд и доля «полумертвых» кредитов в нём неизвестны – данные не раскрываются Банком России в консолидированном виде, не все банки публикуют такие сведения в бухгалтерской отчётности. Рассмотрим ситуацию на примере Сбербанка (таблица).

Некоторые сведения о кредитном портфеле Сбербанка на 1 сентября 2016 г., млрд руб.

Показатель	Юридические лица	Физические лица				Итого	
		жилищное	овердрафты, кредитные карты	автомобильное	прочие		
Реструктурированные ссуды	976	136	0,3	12	67	216	1 192
Совокупно	14061	2697	603	124	1 609	5034	19095
Расчётно: доля реструктурированных ссуд, %	6,94	5,05	0,05	9,57	4,16	4,28	6,24

Источник: Бухгалтерская отчётность Сбербанка по МСФО (URL: http://www.sberbank.com/ru/investor-relations?utm_source=dot_ru), расчёты автора.

Как свидетельствуют данные, доля реструктурированных корпоративных ссуд в Сбербанке существенно выше, чем во всех сегментах кредитования физических лиц (за исключением автокредитования), – в среднем на 62,2%. Пример, безусловно, носит частный характер, однако подтверждает позицию автора относительно заниженной оценки качества корпоративных ссуд, исходя из сведений о доле просроченной задолженности.

Поскольку доля просроченной задолженности по корпоративным ссудам меньше аналогичного показателя по потребительским кредитам на 21% (7,1 против 8,6% на 1 октября 2016 г.), а объем реструктурируемых ссуд больше в 1,5–2 раза (оценка по материалам изучения отчётности по МСФО ряда

крупных банков), корпоративное кредитование несёт как минимум не меньшие риски, чем потребительское. Анализ в данной области затруднён полной непрозрачностью; условно говоря, речь идёт даже не об «айсберге», а о «болоте», глубина и топкость которого практически неясны до тех пор, пока оно не начнёт засасывать³.

Миф 3: банки беспричинно сокращают кредитование малых и средних предприятий.

Реальность: риск финансирования небольших компаний стал запредельно высоким, что вынуждает банки резко сократить их кредитование.

В сегменте финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства риски невозврата ссуды чрезвычайно велики (рис. 2): уровень просроченной задолженности по банковским кредитам превысил 14%, а по ссудам, предоставленным индивидуальным предпринимателям, заделен – 17–18%. Такие значения наблюдаются впервые после кризиса 1998 г.⁴ Резкое повышение риска финансирования субъектов малого и среднего бизнеса подтверждается значительным превышением уровня проблемности соответствующего портфеля ссуд по сравнению с кризисом 2008 г. – в 1,5–2 раза!

Очевидно, что банки не заинтересованы в кредитовании таких клиентов без надёжных залогов (в первую очередь, ликвидной недвижимости), которых у потенциальных заемщиков обычно нет. Это уже привело к сокращению объема задолженности малого и среднего бизнеса на 18% за период с 1 августа 2014 г. (экстремум) по 1 октября 2016 г.⁵

³ В одном из крупных банков, где в своё время работал автор, обслуживалась известная новосибирская компания. Её ссудная задолженность превышала 5 млрд руб. Она никогда не допускала просроченные платежи, однако перспективы погашения кредита отсутствовали – банк получал только проценты (и то не все – часть капитализировалась, т. е. увеличивала основной долг). Ссуду раз в несколько лет пролонгировали, видимо, в расчете на то, что со временем проблема разрешится сама собой.

⁴ Точные сведения отсутствуют, однако, по мнению ряда не связанных между собой специалистов-практиков, проблемные ссуды достигли 30–40% кредитного портфеля.

⁵ За аналогичный период объем задолженности по потребительским ссудам сократился на 3,3%, а по корпоративным кредитам, без учёта малого и среднего бизнеса, – вырос на 21,8% (с учётом – на 14,6%).

Примечание. Сопоставимые сведения за период до 01.04.2009 г. отсутствуют.

Рис. 2. Доля просроченной задолженности по кредитам, предоставленным субъектам малого и среднего предпринимательства и индивидуальным предпринимателям, в период кризисов 2008 и 2014 гг., %

Миф четвёртый: пик банковского кризиса пройден!

Реальность: перелом в течении банковского кризиса ещё не наступил (в 2016 г. ситуация по ряду значимых показателей стала хуже, чем в 2015 г.).

Очевидно, что в период экономической нестабильности банки сокращают объем финансирования всех типов заемщиков. Насколько резким и длительным оказалось падение выдачи кредитов?

Как свидетельствуют данные рисунка 3, в первом квартале 2015 г. произошло резкое уменьшение объема предоставляемых кредитов – на 44,0% по корпоративным ссудам и на 50,2% – по потребительским. Это нельзя объяснить исключительно «синдромом нового года», когда в январе-феврале активность клиентов традиционно ниже, что заметно при сравнении со значениями первого квартала 2014 г. (на рис. 3 – пунктирная стрелка). Относительный объем нового кредитования остаётся на более низком уровне, чем в 2008–2010 гг. Гораздо хуже то, что де-факто наблюдается стагнация в сегменте корпоративного финансирования – в 2016 г. в относительном выражении кредитов было предоставлено меньше,

чем в 2015 г. В абсолютном выражении за 2016 г. корпоративный портфель сократился на 1,2 трлн руб., а розничный увеличился незначительно – лишь на 0,059 трлн руб. (на 0,5%).

Примечание. Сопоставимые сведения за период до 01.04.2009 г. отсутствуют.

Рис. 3. Соотношение объема ежеквартально предоставляемых кредитов физическим лицам, предприятиям и индивидуальным предпринимателям к величине соответствующих кредитных портфелей в период кризисов 2008 и 2014 гг., %

Сокращение активности в самом большом сегменте кредитования – корпоративном – говорит о том, что пик банковского кризиса ещё не пройден. Едва восстанавливающийся сегмент потребительского кредитования не может переломить ситуацию, так как его размер почти в три раза меньше корпоративного (10,7 против 28,7 трлн руб.).

Миф пятый: ипотека, особенно с государственной поддержкой, спасёт экономику (и заодно банковскую систему)!

Реальность: объем нового ипотечного кредитования, несмотря на значимую государственную поддержку, существенно сократился.

Помимо улучшения социальных условий, массовое предоставление жилищных ссуд стимулирует инвестиционные процессы

в экономике⁶ (строительные компании обеспечивают большое число рабочих мест, в том числе на предприятиях смежных отраслей). Государство предоставляло субсидии, с использованием которых до 1 января 2017 г. можно было получить ипотечный кредит по сниженной ставке (около 11%). Данная программа, в отличие от многих, «не осталась на бумаге»: в первом квартале 2016 г. доля кредитов с господдержкой среди всех выданных ипотечных ссуд была очень значительной – 39,4% (по объему предоставленных средств). Однако и это не сократило резкое падение платежеспособного спроса на ипотечные ссуды (рис. 4).

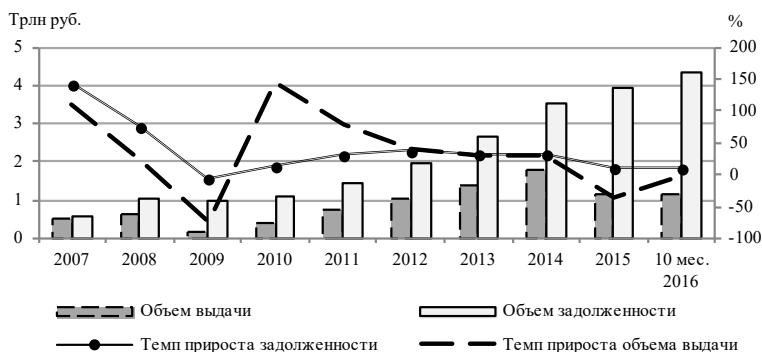

Рис. 4. Динамика объемов задолженности (на конец отчетного периода), годового объема выдачи жилищных ипотечных кредитов (левая шкала, трлн руб.) и темпов годового прироста соответствующих показателей (правая шкала, %) в 2007–2016 гг.

Как показывают данные рисунка, объем ипотечной задолженности неуклонно увеличивается, что и стало основой рассматриваемого мифа. Это связано с долгосрочным характером жилищных ссуд (в среднем 15 лет) – даже при резком сокращении объема выдач некоторое время всё равно будет наблюдаться рост совокупного ссудного портфеля. В 2015 г. выдали на 35,4% меньше

ипотечных кредитов, чем в 2014 г. По итогам 2016 г., очевидно, будет небольшой рост, однако лишь по сравнению с «провальным» 2015 г. Иными словами, несмотря на серьезную господдержку, ипотечный сегмент не смог полностью восстановиться.

Необходимо отметить, что в период прошлого кризиса падение ипотечного сегмента было гораздо более значительным – на 74,0% (т. е. объем выдач новых ссуд сократился в четыре раза). Вероятнее всего, скорость его «обвала» в настоящее время была уменьшена именно программой по государственной поддержке (74,0–39,4=–34,6, т. е. близко к реальному темпу отрицательного прироста в 2016 г. относительно докризисного 2014 г. – около 30%).

Поскольку в 2017 г. практически отсутствуют факторы, способствующие значимому росту доходов населения, а программа по льготному кредитованию приостановлена, сомнительно, что объем выдач ипотечных ссуд существенно увеличится. Из этого следует, что ипотека не является в настоящее время и не сможет стать в перспективе (по крайней мере, среднесрочной) локомотивом вывода национальной экономики и банковской системы из кризиса.

Миф шестой: банки активно участвуют в осуществлении политики импортозамещения.

Реальность: банки почти не принимают в ней участия (особенно в сфере продовольственной безопасности).

Очевидно, что импортозамещение (де-факто ускоренное развитие) выбранных Минпромторгом 18 приоритетных отраслей невозможно без резкого увеличения банковского кредитования. Поэтому одним из признаков реального импортозамещения является рост в них объемов заемного финансирования (рис. 5).

Как видно на рисунке, с начала 2014 г. в кредитных портфелях банков растет доля предприятий обрабатывающего сектора (с 20% до 23,5%; показано пунктирной стрелкой), хотя до 1 января 2015 г. политика импортозамещения ещё не началась. После указанной даты произошло увеличение лишь на 1,4% (сплошная стрелка), а в 2016 г. рост и вовсе сменился падением. Сокращение коснулось предприятий химической промышленности, производства машин и оборудования, а также пищевых продуктов. Финансирование одного из важнейших направлений – «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» – увеличилось крайне

⁶ Так, за первое полугодие 2016 г. было предоставлено ипотечных кредитов по договорам долевого участия, т. е. для приобретения вновь построенного жилья, на сумму 229,3 млрд руб. (Материалы Банка России. URL: http://cbr.ru/statistics/ipoteka/am_1-2016.pdf). Фактическая сумма, переданная строителям, больше на 20–25% за счёт величины первоначального взноса заемщиков.

незначительно: с 5,26 до 5,5% за 21 месяц⁷. И это в условиях «продуктового эмбарго»!

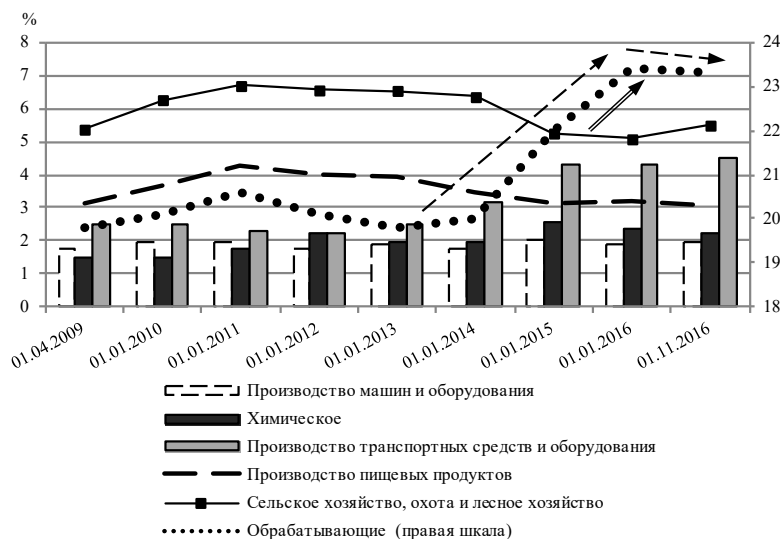

Рис. 5. Доля предприятий отдельных отраслей экономики в структуре совокупного ссудного портфеля банков в 2009–2016 гг., %

Примечание: на правой шкале отражены совокупные сведения по предприятиям обрабатывающего производства.

Возникает вопрос, почему же банки не нарастили кредитование компаний, получивших существенные конкурентные преимущества, причём, видимо, на длительный период? Только ли в рисках дело?

Как показывают данные рисунка 6, качество ссуд сельскохозяйственных предприятий за последние три года резко ухудшилось (доля просроченной задолженности выросла с 6,5% до 10,3%). Похожая ситуация – и с производством пищевых

⁷ Специализированный Россельхозбанк за аналогичный период увеличил корпоративный кредитный портфель на 22,24% (расчёты автора по материалам портала Banki.ru. URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings>). Причина «расхождений» в том, что не все заемщики являются сельхозпроизводителями, кроме того, они произошли за счёт заемщиков, которых «перетянули» из других банков.

продуктов. Становится понятным, почему банки не проявляют большого оптимизма в финансировании импортозамещения. При этом среднее качество ссуд других предприятий из «приоритетного списка» гораздо лучше – немного сокращается просроченная задолженность предприятий химического и транспортного производства. Их недостаточное кредитование, вероятно, связано с внутренними проблемами, носящими нефинансовый характер (нет возможности вложить деньги эффективно).

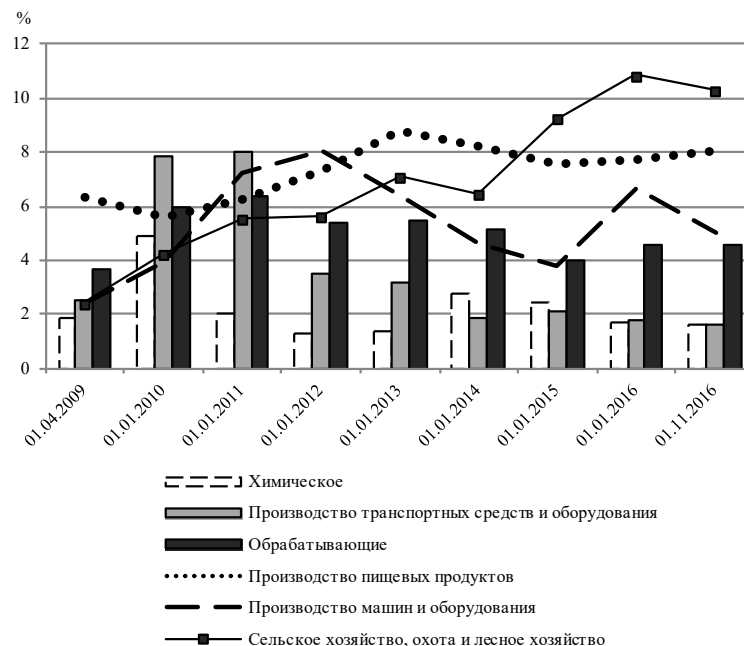

Рис. 6. Сведения о доле просроченной задолженности в рублях и иностранной валюте предприятий отдельных отраслей экономики в 2009–2016 гг., %

Миф седьмой: банки хорошо зарабатывают в любой кризис!
Реальность: всё большая часть банков получает убытки, и перспективы улучшения ситуации туманны.

В российском обществе отношение к банкам неоднозначное. Считается, что и в кризис они своего не упустят. Однако и для банков настали весьма трудные времена, что видно по изменению их доходности (рис. 7).

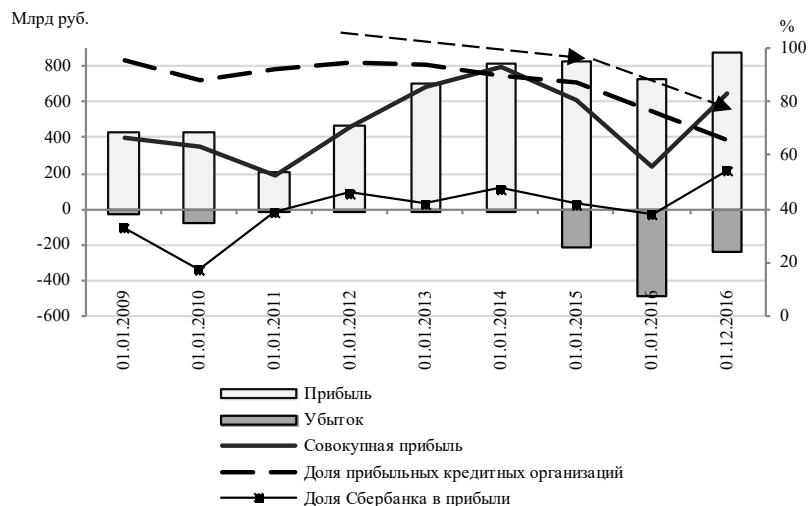

Рис. 7. Чистая прибыль отечественной банковской системы (левая шкала, млрд руб.) и доля прибыльных кредитных организаций (правая шкала, %) в 2008–2016 гг.

Уже с 2014 г. банки начали нести значительные убытки, а в первый кризисный год их величина достигла максимума – 495 млрд руб. Это в 6,6 раза превышает убытки в прошлый кризис (притом, что объем активов увеличился лишь в 3,4 раза). Однако за 11 месяцев 2016 г. банки сумели рекордно заработать – 882,4 млрд руб.; при этом совокупная чистая прибыль вернулась на докризисный уровень. Получается, что проблемы есть везде, только не в банковской сфере, и миф имеет под собой основание? Рассмотрим ситуацию подробнее.

Большая часть общей прибыли (54,8%, 483,2 млрд руб.) была заработана одним Сбербанком. Так, по предварительным данным за 2016 г., его прибыль до уплаты налога на прибыль – 668,9 млрд руб., чистая – 517 млрд руб.⁸ На крупнейшие госбанки (дополнительно к указанному – ВТБ Банк Москвы, ВТБ 24, Газпромбанк) приходится уже 70,3% чистой прибыли. Оставшуюся «совместными усилиями» заработал 401 банк. При этом доля

убыточных кредитных организаций непрерывно растёт – в настоящее время их более трети. Как видно на рисунке (показано стрелками), в кризис этот процесс идет всё быстрее. Фактически подавляющее большинство кредитных организаций или убыточны, или на грани рентабельности (например, на 1 декабря 2016 г. среднемесячная прибыль 244 кредитных организаций не превышала 10 млн руб. – это уровень хорошо работающих малых предприятий), и очень немногие банки, в первую очередь с государственным капиталом, зарабатывают сверхприбыль, причем в большем, чем до кризиса, объеме. При этом государство получает от них весьма незначительные дивиденды – около 20% [6]. Вряд ли это нормально, однако предпосылки для изменения ситуации, скорее всего, отсутствуют.

Каковы перспективы и что делать? В настоящее время основная проблема банковской системы – высокие кредитные риски при финансировании и граждан, и предприятий. Это приводит к сокращению объема выдачи им новых ссуд. В таких условиях происходит естественное сокращение (погашение) «хороших» кредитов и накопление «плохих». Невозможность выхода из банковского кризиса определяется, в первую очередь, отсутствием достаточного числа качественных заемщиков, поскольку из-за общеэкономического кризиса сократилась деловая активность предприятий, многие потеряли работу, часть заработка.

Замкнутый круг: «банковский кризис, нет кредита – нет подъема экономики» и «нет подъема экономики – нет кредита и выхода из банковского кризиса». Можно ли поднять экономику без кредитов? Нет! Например, в 2015 г. в России соотношение денежной массы и ВВП (коэффициент монетизации) было самым низким среди стран G 20: 0,47 против 1,0 – в США, 1,63 – в Германии, 2,25 – в Японии [7]. А деньги вводятся в экономику через кредиты! В России, в первую очередь, банковские, учитывая особенности отечественной финансовой системы и место в ней «классических» кредитных организаций. Поэтому не стоит винить банки в сложившейся ситуации, т. е. в том, что они боятся потерять деньги вкладчиков и не предоставляют рискованные ссуды.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, нужны реальные, а не декларируемые изменения общеэкономических условий для создания новых предприятий и модернизации действующих. А это не входит в задачи Банка России и коммерческих банков.

⁸ Материалы Banki.ru. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9480701>

При отсутствии существенных изменений в нефинансовом секторе экономики современное кризисное состояние отечественной банковской системы можно считать пресловутым «хрупким дном».

Литература

1. *Дубинин С.К.* Российская банковская система – испытание финансовым кризисом // Деньги и кредит. – 2015. – № 1. – С. 9–12.
2. *Овчинникова О.П., Овчинникова Н.Э.* Системный финансовый кризис и его влияние на устойчивость банковской системы // Финансы и кредит. – 2014. – № 7. – С. 16–21.
3. *Хлопунова М.В.* Накопленные и текущие проблемы пост-кризисного восстановления банковской системы // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 40. – С. 46–53.
4. *Алиев Б.Х., Салманов С.И.* Мониторинг развития российского банковского сектора в сравнении с кризисными периодами 1998 и 2008 гг. // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 19. – С. 2–14.
5. *Ершов М.В., Танасова А.С., Татузов В. Ю.* Некоторые актуальные тенденции банковского кредитования: напоминает ли весна 2015 г. весну кризисного 2009 г. // Банковское дело. – 2015. – № 7. – С. 15–19.
6. *Эзрох Ю.С.* Частично монопольные возможности госбанков: как и зачем их использовать? // Банковское дело. – 2015. – № 2. – С. 74–80.
7. *Баликоев В.З.* Финансово-кредитная система переходной экономики России: кризис или катарсис. Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств. – Новосибирск, 2016. – 256 с.